

«БЕГСТВО К СВОБОДЕ» (ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ
В ПОВЕСТИ Л.И. БОРОДИНА «ПРАВИЛА ИГРЫ»)

УДК 82

Сухих Ольга Станиславовна
кандидат филологических наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ruslitxx@list.ru

В журн.: Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 2. С. 143-146.

В статье рассматривается творческое осмысление проблемы свободы в повести Л.И. Бородина «Правила игры». Анализируется вопрос о свободе в смысле социальном и в смысле духовном.

Ключевые слова: свобода социальная, свобода духовная, конфликт, правозащитная деятельность, правила игры.

“THE ESCAPE TO THE FREEDOM” (THE PROBLEM OF THE FREEDOM
IN THE STORY BY LEONID BORODIN “THE RULES OF THE
PLAY”)

An interpretation of the problem of freedom in the story by Leonid Borodin “The rules of the play” is investigated in the article. The question of freedom is considered from the social and spiritual sides.

Key words: social freedom, spiritual freedom, conflict, human rights activity, rules of play

В повести Л. Бородина «Правила игры» проблема свободы актуализируется в двух аспектах: духовном и социальном. Социальный аспект диктуется самой темой повествования: речь идёт о жизни политзаключённого. Главный герой произведения – Юрий Плотников –

оказался в лагере по той причине, что свободно высказал неприятие существовавшей в Советском Союзе социальной системы, и семь лет он провёл в заключении. Автор, подобно А.И. Солженицыну в рассказе «Один день Ивана Денисовича», изображает один день из жизни этого человека. В произведении Солженицына день подобен «математической точке», через которую проходят различные «плоскости», то есть изображение одного дня позволяет показать практически все аспекты существования человека. Так же и в повести Л.И. Бородина: здесь и самоощущение заключённого, и система его отношений как с представителями власти, так и с собратьями по несчастью, и работа, и мечты, и любовь – один день лагеря в целом, «с его страхами и напряжениями, дружбами и противостояниями, благоглупостями и геройствами, хитрованами и донкихотами» [4]. Перед читателями проходит и один день конкретного человека, Юрия Плотникова, – день, в течение которого он успевает почувствовать себя почти свободным и заработать новый срок, влюбиться в чужую жену и вступить в конфликт с прежними товарищами, а главное, осмыслить сложнейшие вопросы философского характера.

Автор повести с самого начала акцентирует внимание на том, что для человека, находящегося в условиях внешней несвободы, характерна обострённая внутренняя жажда свободы, проявляющаяся во сне, в мечте, в воспоминаниях, а значит, живущая глубоко в душе. Закономерно, что таким щемящим лиризмом проникнуты начинающие повесть строки о смутных, радостных и спокойных снах, от которых спящему бывает особенно легко: во сне царят гармония и свобода, и в этом заключается его контраст с реальностью. Не случайно и описание того завораживающего впечатления, которое производит на главного героя вид из чердачного окна, выходящего на лес и реку: Юрий не может оторваться от этого «окна

в свободу» и даже чувствует, что способен заплакать, если немного расслабится.

Тема *свободы в социальном смысле* раскрывается в первую очередь в повествовании о *правозащитной деятельности* заключённых, которых условно именуют «марксистами» как людей, интересующихся общественно-политическими и философскими вопросами. Известна точка зрения – её выражал, например, А.И. Солженицын, – что именно в условиях *внешней несвободы* человек может ощутить наиболее полную *внутреннюю свободу*. В своём «опыте художественного исследования» «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицын писал, что в заключении велись такие разговоры и читались такие книги, о которых в обычной жизни, на свободе совершенно немыслимо было даже думать. Вспомним в этом контексте и рассуждения толстовского Пьера, который приходит к выводу, что если и можно взять в плен человека и тем самым лишить его внешней свободы, то невозможно ограничить свободу его духа, нельзя взять в плен или запереть в темнице весь тот огромный и неповторимый мир, который существует в душе человека. На первый взгляд и повесть Л.И. Бородина не противоречит этим суждениям: писатель показывает, что политзаключённые не сломлены, не смирились с насилием над личностью и пытаются бороться за конституционные права, что они готовы и к заключению в карцере, и к голодовкам. Казалось бы, перед нами картина внешней несвободы и духовной свободы одновременно. Но автор видит эту картину и *с другой стороны*. Политзаключённые действительно стремятся даже в лагере отстаивать свою **свободу в смысле социальном** – свободу от любого покушения на права человека, гарантированные Конституцией. Как объяснял Юрию старик-заключённый, вся система неволи направлена на то, чтобы внутренне сломать человека, заставить его принять установленные властью «правила игры», «их правила». Вопреки этому люди не хотят потерять чувство собственного достоинства,

стремятся не подчиниться давлению (и в основном политзаключённым это удаётся). Но именно это стремление и загоняет борцов за свободу в рамки определённой линии поведения, **в рамки своих «правил игры»**, которым они уже подчиняются *без всякого внешнего насилия, вполне добровольно*.

По ходу сюжета упоминается типичный по своей сути случай из лагерной жизни: один из заключённых был лишён права получить посылку от родных. Духовный лидер «марксистов» Валерий Осинский по этому поводу организует голодовку политзаключённых, причём, очевидно, такое происходит далеко не в первый раз. С подобной линией поведения безоговорочно соглашается весь круг «крепких» товарищей, в который до сих пор входил и главный герой: «Обычно после такой информации он отвечал коротко:

– Понятно. Голодаем?

– Голодаем, – говорил Осинский и посвящал его в тактику и стратегию предстоящей кампании» [3]. Юрию прежде даже не приходило в голову выяснять суть конфликта и приведших к нему обстоятельств, потому что борьбу за свободу и права человека он воспринимал как *безоговорочный долг*, которому надо следовать вне зависимости от конкретных условий. Однако теперь что-то изменилось в мировосприятии Юрия: возможно, ощущение близости свободы сыграло свою роль (ведь к моменту начала действия Плотникову остаётся месяц до окончания срока заключения, и он уже чувствует себя почти свободным). По словам В. Бондаренко, Л.И. Бородин практически во всех своих произведениях ставит героя в такие условия, которые выбивают его из привычной колеи [2], – так происходит и в данном случае. Главный герой *отступает от «правил игры»*: начинает выяснять, за что же пострадал лишённый посылки заключённый. Ему вдруг приходит в голову, что неплохо было бы, перед тем как присоединиться к голодовке, хотя бы узнать, за что он будет голодать, за что бороться и что защищать. Он неожиданно для самого себя,

неосознанно проявляет стремление принять *свободное решение*, а не просто подчиниться принятым в его кругу «правилам игры». Уже в вопросе «за что?», как он сам понимает, есть нарушение этих принципов, которое может привести к конфликту с прежними товарищами. Однако чувство внутренней свободы в душе главного героя нарастает, и когда Юрий узнаёт, что человек, ставший «жертвой произвола», фактически сам спровоцировал столкновение с оперативником, то следующий его вопрос уже звучит ещё более вызывающе для Осинского:

«— Зачем же он ему нагрубил?»

Растерянная улыбка Осинского лучше всего свидетельствовала, что Юрий не просто сбился с правил, но пошел против них. Этого упрямства Юрий от себя не ждал. Способность произносить нечто, чего он не держал в мыслях, возбудила в нем неожиданное любопытство к самому себе» [3].

Весь круг политзаключённых *действует по заведённым раз и навсегда правилам*, при этом искренне полагая, что это и есть борьба за *свободу*. А главный герой вдруг прекратил подчиняться тому «долгу», который он же сам, подобно другим, себе навязывал прежде. Он неожиданно *перестал вести себя рационально* и ощутил в себе способность сказать «нечто, чего он не держал в мыслях», но что, видимо, подспудно жило в его душе. И как раз в этот момент он утратил взаимопонимание со своим окружением, стал восприниматься как *отступник*.

Те же самые «правила игры», которые установили для себя «марксисты», диктуют им, например, презрительное отношение к лагерному «придурку» Сёмину, и политзаключённые ведут себя с ним крайне пренебрежительно из-за его постоянного самоуничтожения, из-за того, что на суде он «раскаялся в содеянном» и просил помилования. При этом никому даже не приходит в голову, что человек действительно может раскаяться в преступлении (тем более что Сёмин был осуждён за убийство,

а не за политические лозунги) и что это как раз и есть его *свободный нравственный выбор* и в то же время его вечное наказание, можно сказать, раскольниковское.

Установленные «правила игры» предписывают и ненавидеть жену надзирателя Марию, которую в лагере считают воплощением подлости, хотя, как выясняется, это вовсе не соответствует истине. А когда главный герой отступает от правил, то его душа как будто освобождается от скованности, от рационально выработанных рамок поведения, и он полностью отдаётся чувству – любви к женщине, которая кажется ему самой прекрасной в мире, которая дарит ему хотя бы короткое счастье. И дело не только в физической близости, но и в человеческом понимании, в отклике на чужое страдание, который рождает в душе Юрия ответное переживание – преклонение перед тем «настоящим», перед той истинной красотой, которую он сумел увидеть, освободившись от стереотипа, навязанного общепринятым мнением. Вспыхнувшая в герое любовь становится свидетельством того, что душа его жива и свободна. Не случайно один из исследователей сказал, что в творчестве Л.И. Бородина (как, впрочем, и в традициях русской литературы вообще) «человека при человеческом – высоком, духовном – начале в вечности удерживает не столько “гений мужчины”, сколько “гений женщины”» [5, с. 239].

По ходу действия главный герой рассуждает о том, что человеку становится легче, когда что-либо его «освобождает от необходимости немедленных действий. Пусть лучше тебя к ним вынудят» [3]. Итак, легче быть вынужденным к чему-то, чем нести бремя свободы действий. Человеку облегчает жизнь *освобождение от свободы* – вот парадокс, к которому приходит главный герой повести, подобно Э. Фромму, назвавшему своё известное философское сочинение «Бегство от свободы».

Та правозащитная деятельность, которую ведут политзаключённые в лагере, **по форме** своей есть борьба за чувство собственного достоинства,

за возможность осознавать себя личностью. Это своего рода «бегство к свободе» из страшной лагерной действительности. Однако **по сути** это, как выясняется, «бегство от свободы», шаг в сторону жёстких «правил игры». В итоге получается, что **люди, отстаивая свободу в смысле социальном (конституционные права и т.п.), утрачивают свободу в смысле духовном, причём добровольно.**

Когда же главный герой отступает от правил игры, то это влечёт за собой цепь последствий, которые в конечном счёте приводят к тому, что он становится «чужим среди своих». Это даёт повод оперативнику попытаться его завербовать – следует острейшая реакция со стороны главного героя, и вот он уже готовится отбывать новый срок, вместо того чтобы через месяц выйти на свободу (причём знаменательно то, что Юрий всю ответственность за произошедшее берёт на себя, не обвиняя оперативника и даже понимая его, потому что тот тоже не выходит за пределы своей социальной роли и соблюдает свои «правила игры», – верно написал о Л.И. Бородине П. Басинский, что он «не то чтобы бесстрастный или беспристрастный, но щедрый на человеческое понимание другого мира» [1]).

Л.И. Бородин изображает ситуацию, полную драматизма: **человек, сделавший прорыв к подлинной духовной свободе, в результате утрачивает надежду на свободу социальную**, к которой уже был близок.

Абсолютная свобода как таковая вообще утопична, неосуществима в реальной действительности. Эта мысль выражается не только в повести «Правила игры», но и в других произведениях писателя: вспомним, например, его автобиографическую книгу с «говорящим» названием «Без выбора», где он подчёркивает, «что не видит своей заслуги в принятии определённого судьбою пути, потому что поступал так, как единственно было возможно» [6]. Если человек и находит в себе мужество быть свободным от внешнего давления, то он в любом случае остается

несвободным по крайней мере от своей совести, которая ему диктует его собственные «правила игры». И если человек от них не отступает, то может выйти «на свободу с чистой совестью» (двойственный смысл этого лозунга раскрывается в философских размышлениях главного героя) – чистой не перед социумом, а перед самим собой. А это означает, что выбор всё же есть. И, как показывает повесть «Правила игры», это прежде всего выбор между свободой социальной и духовной. Автор повести выстраивает сложнейшую диалектику свободы и несвободы, и в конечном счёте получается, что **свобода социальная и духовная не совмещаются**, как это ни парадоксально.

Библиографический список:

1. *Басинский П.* Четвёртая правда Леонида Бородина // Литературная газета. – 2002. – № 17. – С. 7.
2. *Бондаренко В.* Неожиданная проза Леонида Бородина // День литературы. – 1998. – 14 апреля. – С. 7.
3. *Бородин Л.И.* Правила игры [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rummuseum.ru/lib_b/brdn1igry.php (дата обращения: 10.10.2013).
4. *Кузнецов Э.* Круг замкнутый, он же заколдованный. Послесловие // Бородин Л.И. Правила игры [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rummuseum.ru/lib_b/brdn1igry.php (дата обращения: 10.10.2013).
5. *Павлов Ю.М.* Духовные искания личности в повести «Третья правда» Леонида Бородина / В кн.: Проблемы духовности в русской литературе и публицистике XVIII-XXI веков: Материалы международной научной конференции. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2006. – С. 175–183.
6. *Федченко Н.Л.* Проза Л.И. Бородина 90-х – 2000-х годов [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rummuseum.ru/lib_f/fedch00.php (дата обращения: 25.02.2014).

